

А.Ю. Мордовцев¹

А.Ю. Мамычев²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Элитогенез в публично-властной организации переходного периода: социокультурный анализ*

В статье анализируются процессы элитогенеза, их специфика в переходных государственно-правовых организациях. Отдельно обсуждаются проблемы легитимации государственно-правового режима и политической элиты в контексте реализации социальной правовой политики государства.

Ключевые слова и словосочетания: легитимность, манипуляция, переходный период, подходы, политическая ситуация, трансформация, элита.

A.Yu. Mordovtsev

A.Yu. Mamychyev

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Evolution of elites in public power organizations transition period: a sociocultural analysis

The article analyzes the processes elitogeneza, their specificity in the transition state and legal institutions. Separately discuss the problems of legitimation of state-legal regime and political elites in the context of the social policy of the state law.

Keywords: legitimacy, manipulation, a transitional period approaches, the political situation, the transformation of elite.

Переходные состояния государств – это явления общие для всех стран и политических систем. Они имеют место на протяжении всей истории развития государства и права. Конкретное выражение «*переходное состояние государственности*» встречается в период развития государства и права между их двумя различными политическими и юридическими типами. При этом не имеет принципиального

¹ Мордовцев Андрей Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права, профессор; e-mail: aum.07@mail.ru.

² Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, канд. юрид. наук, заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права, доцент; e-mail: mamychyev@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6 «Архетипические (социокультурные) основания российской публично-властной организации и ее эволюции в XXI веке».

значения то обстоятельство, что типология политической и правовой систем может проводиться или проводится как на формационной основе, так и на основе критериев, неразрывно связанных с типом цивилизации. Межтипное, переходное состояние национальных политико-правовых институтов как объективно существующее явление сохраняется и вполне отчетливо обнаруживается в практике государственного строительства или юридической деятельности в любом случае, независимо от формационной или цивилизационной привязки и принятых в той или иной научно-теоретической традиции названий.

На вопрос об основных направлениях деятельности и характере задач, решаемых данными государствами на современном этапе, ни в юридической, ни в иной научной литературе нет однозначного ответа. Хотя последний связан с различными подходами к определению метода и роли государства в переходный период, а также различными политическими и идеологическими воззрениями.

Например, западные авторы выделяют несколько таких подходов:

1) государство рассматривается как «всеохватывающий» и «всюду проникающий» феномен. Такая трактовка государства переходного типа ассоциируется с тоталитарным государством и, естественно, не имеет никакой перспективы;

2) государство, будучи «тотально коррумпированным», призвано выражать волю и защищать интересы правящей элиты;

3) третий подход ассоциируется с формированием и функционированием в переходный период развития общества исключительно либерального проекта государственности, основные направления деятельности которого и задачи сводятся к «обеспечению общества лишь всем самым необходимым» [1]. Именно этот подход на западе является наиболее распространенным и в политико-идеологическом плане считается одним из самых перспективных при переходе от плановой, централизованной, экономики к рыночной, децентрализованной, от социализма к капитализму.

Трудно спорить и с тем, что атрибутом любого переходного государства, демократического или антидемократического транзита является трансформация элит, а значит, и создание новой идеологии, иных, чем ранее, ценностей.

Как утверждал Ю.А. Левада, «понятие элиты – не эмпирическая, а «идеально-типическая» категория, то есть конструкт, используемый для исследовательских целей» [2]. Поэтому он считал, что для определения элитарности общественных слоев и групп следует указывать на такие признаки, как социальные ресурсы (обладание специальными знаниями, благами, возможностями влияния, доступом к власти), обособленность от других групп (престиж, «избранность»), характер деятельности, функции (поддержание порядка, репродукция образца, адаптация или сопротивление изменениям).

Поскольку понятие элит, да и сама сущность сегмента элитарности в политико-правовом пространстве последних десятилетий существенно трансформировались, то необходимо учитывать перенесение (проекцию) характеристик более ранних структур (например, партийная номенклатура, интеллигенция и пр.) на современный институт властных элит. И, разумеется, избегать публицистического соблазна

приписывать элитарным группам такие антропоморфные признаки, как обладание сознанием, волей, желаниями, «миссией». По мнению Ю.А. Левады, в дефиниции «элитарность» наиболее важен не «кадровый состав» соответствующих групп, а способ их действия с его нормативно-ценностными, информационными и символическими компонентами, «кумирами», мифами, идеологемами.

Следует также иметь в виду, что политическая элита внутренне дифференцирована, что служит основанием для выделения различных видов элит, например, правящей, которая обладает ресурсами государственной власти, так называемой политической элитой власти, и оппозиционная ей – контрэлита, а также административная элита, состоящая из класса служащих-управленцев, т.е. бюрократов. Можно выделить политические элиты в партиях, классах и т.д.

Отметим, что для демократического государства первостепенную значимость имеет не борьба с элитарностью, а решение проблемы формирования наиболее квалифицированной, результативной и полезной для общества политической элиты, своевременного ее качественного обновления, предотвращения тенденции отчуждения от народа и превращения в замкнутую господствующую привилегированную касту. Иными словами, речь идет о необходимости создания соответствующих институтов, которые обеспечивали бы эффективность политической элиты и, самое главное, ее подконтрольность обществу [3].

Уровень решения этой задачи во многом характеризует социальная представительность элиты, т.е. представление различных слоев общества, выражение их интересов и мнений в политической элите. Такое представительство зависит от многих причин. Одна из них – социальное происхождение и социальная принадлежность. Строго говоря, социальная принадлежность во многом определяется принадлежностью к элите, поскольку вхождение в элиту обычно означает приобретение нового социального и профессионального статуса и утрату старого.

Важнейшим фактором, определяющим развитие политической ситуации в России в ближнесрочной перспективе, по мнению О. Гаман-Голутвиной, является доминирование элит – политических и экономических – по отношению к обществу. «Постсоветский период в России, – пишет она, – стал подлинной «революцией элит», которые сегодня являются не просто важнейшими, но почти монопольными участниками политического процесса» [4].

В переходный (транзитивный) период развития политической системы борьба за господство в обществе и государстве может вестись двумя способами: насильственно-репрессивным (путем физического устранения оппозиции, открытого принуждения граждан к усвоению тех или иных ценностей, идеологием) и политико-идеологическим (когда легитимность публичной власти обеспечивается путем скрытых, манипулятивных воздействий на сознание масс).

Тем не менее, в истории человечества можно обнаружить разные политические режимы, однако чаще всего (за редким исключением, например, правление Пол Пота или «культурная революция» в Китае, где использовались насильственные методы укрепления власти) мы имеем дело с применением смешанной модели идеологического воздействия в авторитарных и тоталитарных государствах,

лишенных правового механизма электоральной борьбы, и с преобладанием политико-идеологического (манипулятивного) метода в демократических странах.

В условиях демократического транзита необходимо выделить основные источники политических манипуляций, определяющие их содержание и направленность.

К таковым следует отнести:

1) сохранение определенной кадровой преемственности при радикальном изменении политического курса. В этом плане старые элиты должны были не только быстро «перекраситься», но сделать все, чтобы убедить в этом массы, для чего и необходимо конструирование разного рода идеологических мифов (например, о постоянном, но тщательно скрываемом «антикоммунизме» пришедших к высшей власти лиц, ранее занимавших ключевые посты в КПСС и др.);

2) важность информационно-манипулятивной поддержки процесса департизации, в ходе которого новые властные элиты должны были в короткие сроки убедить большинство российского общества в «преступности» этой (старейшей в государстве) политической организации;

3) необходимость «манипулятивной интервенции» в процессе разрушения государственного экономического сектора, колхозов и совхозов при проведении курса приватизации.

Конечно, все эти обстоятельства были связаны с такой сложной политико-манипулятивной задачей, как «отключение» краткосрочной и долгосрочной исторической памяти нации. Эта проблема для новых демократических (или, как выяснилось позже, «квазидемократических») элит была наиважнейшей, т.к. с «себя не помнящим народом» проводить разные эксперименты проще, точнее, проще их легитимизировать.

Избирательный цикл 1999–2000 гг. существенным образом изменил внутреннюю организацию политического поля: на смену противостоянию власти и оппозиции пришла внутриэлитная конкуренция. Итогом выборов, прошедших по сценарию «Победитель получает все», стало вытеснение проигравшей элитной группы на политическую периферию, а фактическая безальтернативность парламентско-президентских выборов 2003–2004 гг. вылилась в плебисцит по доверию действующему президенту.

Демонстративный идеологизм партийно-советских времен и следовавшие поиски «идеологии перестройки» при Горбачеве и «национальной идеи» при Ельцине уступили место столь же показному универсальному прагматизму (под прикрытием которого, впрочем, нередко выступают глубоко укорененные установки великодержавности, мирового противостояния, «партийного» единомыслия и пр.).

Трансформация властных элит в постсоветской России произошла и по линии разлома в отношениях с США, которые из «врага номер один» в период холодной войны перешли в группу партнеров на заре демократических реформ. Это обстоятельство, естественно, стимулировало необходимость планомерного проведения в массы, утверждение в массовом сознании такого хорошо известного мифа, как «евро-американоцентризм».

Солидаризируясь с немецкими учеными В. Меркелем и А. Круассан о том, что при строительстве демократий западного (либерального) образца за последние три десятилетия в мире образовалось немало так называемых «дефектных» демократий [5], С. Восканян настаивает на перспективе авторитарной демократии в России, которая станет политической системой, максимально учитывающей культурно-исторические особенности страны.

В целом же в начале XXI в. правящая элита предприняла немало шагов по преобразованию политической системы и политической элиты страны в авторитарно-демократическую. Под свой контроль новый глава государства поставил Федеральное собрание, основные политические партии, бизнес-элиту, большинство региональных лидеров, а также основные средства массовой информации. Властные элиты России «второго поколения» в национальном политико-правовом пространстве стали реализовывать иную манипулятивную модель, ориентирующуюся на создание и господство государственной (официальной) идеологии, минимизацию иных «информационных всплесков», идущих со стороны оппозиции, отчасти сохранившихся олигархических структур.

Это стало важным шагом стабилизации отечественной государственности, тем более что уже в середине 90-х годов XX в. постсоветские элиты вышли на новый качественный уровень своего существования, столкнувшись с проблемой государственно-правового и муниципального строительства. До этого момента имел место период разрушения основ социалистического государства, «искоренения» коммунистической идеологии, мешавшей формированию нового человека, носителя демократической идеи.

Причем антикоммунизм в России в полной мере был отождествлен с демократизмом и либерализмом, соответственно, возникшая всего несколько лет назад национальная элита позиционировала себя «демократической», «источником» идеи правового государства и гражданского общества, что выдавалась за аксиому общественного развития. Более того, поняли, что «целились в коммунизм, а попали в Россию» (А. Зиновьев), что «демократии как таковой, «чистой» демократии нет нигде, особенно на Западе. Америкой, например, реально правят «300 семейств»... Если современное Российское государство хочет действительно выражать волю народа к единству и справедливости, ему следует открыто признать, что российская демократия отнюдь не чужда аристократическим (патриотическая элита) и монархическим (сильная авторитетная личность во главе страны) формам – наоборот, она предполагает их в качестве естественных элементов национальной «соборности» [11].

В итоге, в России начался процесс искоренения «малонациональной национальной элиты, или «оффшорной аристократии», у которой и деньги, и семья, и дома, и мысли находятся вне России» [6]. Впрочем, это вполне закономерно и легко узнаваемо: октябрьские события 1917 г. также нарушили принцип преемственности в процессе элитогенеза, породили принципиально иную генерацию элит, которой для понимания самой себя потребовались десятилетия. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что отечественные демократические элиты не поняли такую,

казалось бы, простую мысль: «не каждую демократическую форму, структуру, хорошо работающую в том или другом зарубежном государстве, можно перенести на отечественную почву» [13].

Последовательная сменяемость национальной элиты (в любом государстве) ставит некую «охранную плотину» разрушительным тенденциям и обеспечивает самосохранение национальной правовой и политической культуры. Элита способна воздействовать на правовое сознание населения не только своей деятельностью, но и самим существованием как социальным фактом. Однако «широкое распространение как в элитарных кругах, так и среди населения получило ложное представление о природе формирования огромной по площади великой российской державы. Свою лепту в это, конечно, внесли и историки, но больше всего, конечно, политики и интеллектуалы как дореволюционного, так и, особенно, послереволюционного времени. Те и другие так или иначе разоблачали политику царизма, который «вел захватнические войны», «проводил колониальную политику», «огнем и мечом подавлял освободительную борьбу народов» и пр. Не вдаваясь в суть этой проблемы, заметим, однако, что способы борьбы московских монархов за расширение границ государства и его влияние в мире мало чем отличались от методов борьбы за эти же цели монархов и правителей других стран, таких, например, как Англия, Франция, Германия. Достаточно вспомнить, с какой беспримечной для того время жестокостью кайзеровская Германия подавляла борьбу африканских народов против германской колонизации» [14].

Ясно, что такого рода информационно-политические манипуляции послужили основой для создания антикоммунистической идеологии, содержание которой, конечно же, было деструктивным, лишенным каких бы то ни было национальных ценностей, что не могло не отражаться на содержании и качестве принимаемых политических решений и издаваемых нормативно-правовых актов. Вряд ли можно считать, что Конституция РФ или ГК РФ являются образцом национального правотворчества.

В эпоху трансформации бюрократической элиты 90-х годов нас убеждали еще и в том, что «отсюда и слепое подражательство, неумение воспринять адекватно передовые западные идеи и применять к российским условиям передовые западные формы общественной жизни. Отсюда же и борьба с государством и властью как с институтами, не соответствующими господствующей на данный момент системе «истин». Отсюда же и антипатриотизм, и национальный нигилизм и т.д. Если радикально настроенная дореволюционная интеллигенция видела систему «истин» в марксизме, в ликвидации частной собственности, в плановой экономике, в отрицании буржуазной демократии, то радикальная интеллигенция конца 80–90-х гг. – в западном либеральном капитализме» [10].

Главная проблема любого реформирования состоит в том, что, когда общество под влиянием кризиса требует реформы, ее творцы вынуждены действовать наспех, часто без какого-либо плана и необходимой научной, экспертной поддержки. В этом плане практика политического манипулирования просто необходима, т.к. позволяет отвлечь внимание масс от естественных при отсутствии какой-либо

концепции реформирования модернизационных издержек. Главное здесь, чтобы не существовало никаких нормативно-правовых барьеров, о чем и должны были позаботиться федеральные и региональные правящие элиты.

Напротив, в периоды спокойствия и стабильности, когда реформу можно было бы тщательно подготовить и провести, либо общество не поддерживает никаких реформаторских устремлений и ценностей политического руководства, либо отсутствуют объективные предпосылки для изменений в основных сферах жизнедеятельности социума. Тем не менее, ясно одно, что ответом на кризис должна быть полноценная реформа, иначе реакция на нее и, соответственно, на ее последствия (о которых, в принципе, можно догадываться уже в самом начале реформирования), будет хаотической и деструктивной.

С политико-манипулятивными технологиями связана и социализация рыночной модели экономики, к формированию институтов которой Россия перешла в начале 90-х годов XX столетия, имеющая своей конечной целью создание социального правового государства (ст. 1, ст. 7 Конституции РФ), что, в принципе, является национальным ответом на вызов (используя методологический прием А.Д. Тойнби) рыночных реалий. В индустриальном обществе именно социализация экономической жизни рассматривается в качестве важнейшего элемента процесса *легитимации* институтов государственной власти, источника повышения авторитета национальных (политических и экономических) элит, а значит, надежного фактора сохранения устойчивого развития национальных государств в условиях глобализации и связанных с ней политико-правовых (кризис суверенитетов) и экономических потрясений.

Таким образом, легитимность – это уверенность граждан в том, что установленный по воле высших элит порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он обеспечивает благо для населения страны. Причем, и обретение легитимности, и ее утрата происходят именно в общественном сознании. Экономика, право, политическая деятельность и т.д. влияют на это не прямо, а преломляясь в умах и чувствах людей. Инструментом этого сложного и многоуровневого процесса выступает идеология, а значит, и конституирующие ее политические манипуляции. Для признания государства праведным или несправедливым важен не абсолютный уровень потребления, привилегий или репрессий, а его восприятие гражданами.

В теоретико-правовом плане авторы также достаточно часто связывают проблему легитимности государственно-правового режима с социальной правовой политикой государства, инициированной высшими властными элитами. Так, характеризуя демократический режим государственной власти, В.М. Сырых отмечает, что «особое значение имеет социальная политика государства, направленная на материальную помощь нуждающимся семьям, обеспечение их необходимым минимумом материальных и духовных благ. Это, в частности, материальная помощь безработным, государственная поддержка семьи, материнства и детства, инвалидов и пожилых людей... иные гарантии социальной защиты... И, тем не менее, деятельность государства в социальной сфере пока что не всегда является

достаточной и действенной. В условиях продолжающегося экономического кризиса социальная политика государства не только не гарантирует достойной жизни, но и не удерживает значительную часть населения у черты бедности» [12].

Известный современный отечественный правовед не представляет серьезного анализа вопроса и после перечисления ряда негативных явлений в социальной сфере указывает весьма пространно, что «лишь полное оздоровление экономики России является необходимым условием и действенной гарантией достойной жизни и свободного развития человека, как это предписывается Конституцией» [12]. Что стоит за фразой «оздоровление экономики»? Продолжение ли это либерального экономического курса, направленного на «выживание сильнейших» в политическом, экономическом и юридическом отношении субъектов или это радикальная смена возникшей в начале 90-х годов парадигмы?

В этом он, впрочем, не одинок, но это научный дискурс. В контексте массовых манипулятивных технологий, постсоветские реформаторы осуществляли внедрение следующих информационных мифов: о непрочности и порочности советской системы социальных гарантий, якобы не имеющих ничего общего с мировым опытом в этой сфере, ориентированных на реализацию принципов государственного патернализма и иждивенчества; о советском «государстве-эксплуататоре», что особенно было показано на примере рабочих; о правовой, политической и культурной «обездоленности» проживающих на территории российского государства (малых) народов; о принципиальной неэффективности работы в России судебной системы и иных правоохранительных структур, их тотальной коррумпированности; о западном пути как единственно возможном «свете в конце тоннеля» и др.

К сожалению, за последние 15–20 лет в российской правовой и в политологической мысли возобладали процессы вестернизации: ведущие российские исследователи весьма увлеклись разработкой либеральной доктрины, которая представлялась ими в качестве безальтернативной модели постсоветского государственно-правового строительства. Созданные научные труды стали основой утверждения «вестернизированной» элиты, особенно на высшем государственном уровне.

В целом же, в ходе постсоветской трансформации национальных элит можно говорить об использовании представителями высших и региональных властных структур многих манипулятивных технологий, обеспечивающих информационную поддержку принятого ими политического курса. Основным материалом, с помощью которого СМИ осуществляют манипулирование, является информация, которая поддается фабрикации (при выдаче ее за подлинную); искажению (через неполную или одностороннюю подачу); редактированию и комментированию в нужном для тех или иных субъектов манипулирования русле; откровенном утаивании реальных фактов и т.д.

-
1. Бутенко, А.П. От коммунистического тоталитаризма к формированию открытого общества в России (политические и правовые проблемы) / А.П. Бутенко. – М., 1997.

2. Гаман-Голутвина, О.В. Российские политические элиты как ключевые акторы политической эволюции России [Электронный ресурс] / О.В. Гаман-Голутвина. Режим доступа: http://www.ng.ru/scenario/2007-10-23/14_verhi.html
3. Казин, А. Демократия в России / А. Казин // Литературная газета. – 2007. – № 34.
4. Кива, А.В. Российские реформы в контексте мирового опыта / А.В. Кива. – М., 2006.
5. Левада, Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации / Ю.А. Левада // ОНС. – 2007. – № 6.
6. Овчиников, А.И. Основы национальной безопасности / А.И. Овчиников, А.Ю. Мамычев, А.Г. Кравченко. – М., 2015. – С. 235.
7. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. I / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 384.
8. Любашиц, В.Я. Государственная власть: парадигма, методология и типология: монография. Ч. II / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 464.
9. Любашиц, В.Я. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты: монография / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мамычев, А.Ю. Мордовцев, О.И. Мирошкина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 480.
10. Мамычев, А.Ю. Нормативно-ценностные и правокультурные аспекты трансформации современной государственно-властной организации в России / А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 5 (23). – С. 115–121.
11. Меркель, В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях / В. Меркель, А. Круассан // Полис. – 2002. – № 1.
12. Сырых, В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. – М., 2006.
13. Ципко, А. Хуже бывает / А. Ципко // Литературная газета. – 2007. – № 17–18.
14. Aslund, A. The Role of the State in the Transition to Capitalism / A. Aslund // Legacies Of the Collapse of Marxism. Ed. by J. Moor. – L., 1994.

© Мордовцев, А.Ю., 2016

© Мамычев, А.Ю., 2016

Для цитирования: Мордовцев, А.Ю. Элитогенез в государственно-правовой организации переходного периода / А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – № 2. – С. 67–75.

For citation: Mordovtsev, A.Yu. Evolution of elites in public power organizations transition period: a sociocultural analysis / A.Yu. Mordovtsev, A.Yu. Mamychev // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2016. – № 2. – P. 67–75.

Дата поступления: 02.11.2015.